

Две большие тель-авивские разницы

Гастроли "Гешера"

Сцена из спектакля "Раб"

Следуя логике одного старого анекдота, согласно которому сначала преподносится хорошая новость, а потом плохая, пора начинать с хорошей.

Причем без анекдотического подвоха. Чистая, прозрачная, пронзительно интимная "Деревушка" и трагически масштабный, притчевый "Раб" — это впечатляющий "Гешер". "Деревушка" И.Соболя — жизнь маленького еврейского поселения в Палестине. События Второй мировой войны, геноцид, образование государства Израиль — все это где-то далеко, в Большом мире, хотя и отзывается эхом в бесхитростной жизни поселенцев. Жизнь эта словно увиденна глазами "большого ребенка" Иоси, идеалиста и фантазера. В спектакле есть и яркий колорит, и острый юмор, и тихая печаль. Но главное — легкая, почти импровизационная свобода существования. По акварельности, особой человеческой театральности "Деревушка" напоминает спектакли и Петра Фоменко, и Михаила Туманишвили. Актеры же, из которых особо выделяется Саша Демидов (Иоси), действительно являют собой чудесный сплав восточного темперамента и притчевого мышления с русской психологической школой. Отчасти это актерское качество явлено и в "Рабе" И.Башевиса-Зингера. Но здесь еще — и эпический размах, и органичное сочетание абсолютной условности с тонким психологизмом, и владение одновременно двумя началами: трагическим и лирическим.

Простой текст, простая смена эпизодов, лаконичная декорация, где есть настоящие камни, настоящий огонь и мощь высокой притчи. Играется история трагической любви польки и еврея, обреченной на кару и от тех, и от других соплеменников. Сюжет из почти что средневекового бытия, насыщенный реалиями жестокости, мракобесия и ксенофобии, режиссер Евгений Арье рассказывает на удивление просто и искренно, но вместе с тем — на высокой театральной ноте, без малейшей примеси фальши. Есть пафос, есть поэзия, есть страсть, негодование, сострадание, ирония, но совсем нет наигрыша и вранья. Такую эпическую махину трудно представить себе в холодных отечественных широтах, и "Раб", конечно же, растение, завязавшееся на плодородной российской театральной почве, но налившееся соком под горячим восточным солнцем. Главное богатство "Гешера" — его актеры, и это принципиально декларируется в режиссуре Е.Арье. Игра Саши Демидова и Евгении Додиной составляет настоящее эстетическое удовольствие. Радуют и старые знакомые Е.Ламбург, Н.Юшева, Н.Войтулевич, В.Портнов и наиболее хорошо знакомый Л.Каневский — все в рабочей форме.

Теперь — второе. Рабинович приходит на работу весь в синяках. "Что случилось?" — спрашивают сослуживцы. "Упал мой пиджак!" — отвечает Рабинович. — "А при чем тут пиджак?" — "Я не успел из него выскочить".

При чем тут старый и бородатый еврейский анекдот? А при том, что спектакль "Город" родился 9 лет назад. Сегодня, показанный московской публике, этот спектакль напоминает тот театральный "пиджак", что был в моде на советских сценах 80-х годов. Это один большой, грубый и аляповатый еврейский анекдот, ресторанная Одесса-мама с "Муркой", "Кичманом", грудастой Двойрой и прочими, затертыми до дыр прелестями. Оговорюсь сразу — это у нас они затерты до дыр и стали неотъемлемой частью менталитета всего русскоязычного населения бывшего СССР. В Израиле, где родился спектакль "Город", ситуация, конечно, выглядела иначе. Постановка адресовалась нашим бывшим соотечественникам, безусловно, так же хорошо, как и мы здесь, в сегодняшней Москве, знакомым с этим языком. Языком — и в буквальном, лингвистическом смысле слова, и в смысле театральном. По крайней мере, некоторая, наиболее образованная часть израильской русскоязычной публики наверняка увидела на сцене новое не забытое старое. Но в отличие от нас испытала при этом теплые ностальгические чувства. Возвращаясь к упомянутому выше "пиджаку", рискну высказать досаду. Отправляясь на гастроли в Москву, из этого "пиджака" необходимо было "выскачить". Ибо те, кто увидел из трех привезенных "Гешером" спектаклей только "Город", составят о театре превратное впечатление. Слишком много в нем му-

зыкально-ресторанной "неумононости", которая заполонила, помнится, российские сцены 20 лет назад. Слишком грубо и жирно подается хоть и колоритный, но одновременно и печально-тонкий бабелевский текст. Слишком выпуклы все возможные выпуклости, в том числе и телесные. От "Города" остро веет рутинной, хотя в нем играют те же актеры, что в "Рабе" и "Деревушке". Последние и "Город" — две такие большие одесские разницы, что только руками разведешь. Театр, последовательно завоевавший многие площадки мира, первый раз приехал в Москву. Стоит ли повторять очевидное: и готовились долго, и волновались особо, ибо Москва для режиссера и солидной части труппы — если и не историческая, то фактическая театральная родина. Спектакль на русском языке явно надо было привезти какой-то другой.

И все же общее впечатление от "Гешера" в Москве — хоть и пестрое, но, скорее, положительное. Испытание публикой театр прошел, и отмахнуться от этого факта невозможно. Если же судить его по иным критериям, то в двух третях программы перед нами предстал живой, развивающийся театральный организм с крепкой "единоличной" режиссурой, завидным актерским богатством и заметным равнодушием к дешевому коммерческому успеху. Вот только старый одесский "пиджак" был явно лишним в московском "гардеробе".

Наталья КАМИНСКАЯ